

Известия. 1998. - 5 февр. - с. 6.

Королева и ее двойники

Гастроли Мариинского театра в Москве достигли своей кульминации. За неделю петербуржцы показали главные балеты классического наследия, причем «Баядерку» и «Жизель» — в двух исполнительских составах. Все или почти все звезды нового поколения Мариинского представлены. Все прочерченные некогда Мариусом Петипа линии петербургского балета на сцене Большого театра утверждены и затвержены. Значит, можно подводить первые итоги.

В афише «Лебединого озера», которым Мариинский театр открыл гастроли, главная партия обозначена по-старому, если не сказать по-старомодному: «Одетта, королева лебедей Одиллия, двойник Одетты». Одетту и Одиллию, как водится, танцует одна балерина — Ульяна Лопаткина. То, что Лопаткина — балерина уникальная, балерина редкого, природой назначенного дара, сомнению не подлежит.

Лопаткина несет в своем творчестве двойственность петербургских творений Мариуса Петипа. В каждом из его балетов есть Королева и есть ее Двойник, есть героиня и есть ее Тень. Как день и ночь, любовь и нелюбовь, правда и обман, реальность и иллюзия. Как есть в бессмертных балетах Петипа два Петербурга. Один — торжественный и парадный, город роскошных дворцов и фонтанов; другой — призрачный и таинственный, город миражей и невест откуда берущихся снов и видений. Лопаткина, станцевавшая на московских гастроллях «Лебединое озеро» и «Баядерку», кажется, лучше других чувствует эту философскую грань. И в этом смысле она, безусловно, петербургская балерина, балерина Мариинского театра, наследующая опыт своих предшественниц — великих петербургских балерин.

Однако объяснить искусство Лопаткиной не так просто. В тайнах ее героинь и вполне есть что-то королевское, колдовское. Скептики ска-

жут, что Лопаткина излишне скрытна и даже холодна. Ревнители балетных традиций возведут ее холодность к традиции ни с чем не сравнимого петербургского аристократизма. Балетоманы найдут в неприступности Лопаткиной особый шарм избранности: Королева — не чета черни. И все будут по-своему правы. Только не добавив ли к этим оценкам еще одну, может быть, самую парадоксальную, назвав Ульяну Лопаткину романтической танцовщицей конца XX века. Времени, которому не до романтизма, не до иллюзий и не до королей. И одновременно времени, которое в черной, ежедневной работе своей обо всем этом грезит и всего этого втайне желает. Танец Лопаткиной — Королевы и Двойника, Баядерки и ее Тени — о том свидетельствует и о том говорит.

А танец других, пожалуй, говорит о другом. И поэтому танец Лопаткиной напоминает в череде ярких звезд нового поколения Мариинки танец вдовствующей королевы. Этот танец равен самому себе, ничего не требует и ни на что не претендует.

Диана Вишнева — другая звезда Петербурга — выглядит намного современнее Лопаткиной, и танец ее кажется много понятнее танца Лопаткиной. Искусство Вишневой радостно и азартно, ее коронная роль Китри в «Дон Кихоте» Минкуса, где она — королева толпы, заводила севильской площади, уже женщина, но еще ребенок, уже невеста испанского цирюльника, но еще не жена. Только во сне, в сказочной сцене видений Дон Кихота она может предстать таинственной Дульсинеей, и только — на короткие мгновения, чтобы потом, возвратившись в реальность, снова почувствовать плоть и плотность счастливой, не знающей трудности и обманов жизни. Той самой, что венчается лихими фуэте юной примы и благодарными овациями зрителей после спектакля.

Не беда, что спектакль старый и старомодный, с полнявшими декорациями К.Коровина и А.Головина,

с костюмами, сшитыми из тканей, каких теперь не найдешь ни в справочниках, ни в словарях. В том, что Мариинский театр сохраняет своего «Дон Кихота» в таком, мягко выражаясь, неприятном виде, есть своя прелесть и свой смысл. Сказки стареют, а люди взрослеют. Картонные декорации и тряпичные юбки способны вызвать ностальгию и у романтиков, и у скептиков, если они дадут себе труд вспомнить себя же детьми. И тогда «Дон Кихот» Мариинского театра с виртуозным танцем взрослеющей принцессы — Дианы Вишневой — обернется ностальгическими воспоминаниями о молодости, которая не умеет отличать истину от обмана.

Признаемся, что спектакли Мариинского театра умело играют зрительскими чувствами, и каждый волен выбирать в них то, что так или иначе связано с его собственными представлениями и о жизни, и об искусстве. По нынешним временам немало. Да и классика в этом смысле оказывается много универсальнее самых современных и самых эпатажных экзерсисов на злобу дня. В том, как Мариинский театр последовательно и стоически твердо, если не сказать — по-музейному благоговейно, отстаивает право на жизнь классического наследия, почти ничего в нем не меняя, и видится его уникальность, неповторимость на отечественной и мировой балетной карте.

Самое интересное, что молодые артисты, сменившие в последнее десятилетие признанных мастеров, классический устав петербургского балета принимают безоглядно, без страха и упрека.

Из тех, кого Москва помнит по предыдущим гастролям театра, в труппе на сегодняшний день остались А.Асылмуратова и Ю.Махалина — из балерин, Ф.Рузиматов и И.Зеленский — из танцовщиков. Асылмуратова покорила Москву в заглавной партии «Жизели», продемонстрировав атлетизм с позиций петербургского стиля танец. Махалина неожиданно ярко и победно станцевала «Баядерку», снискав себе лавры самой красивой и самой виртуозной балерины Мариинского. Рузиматов и Зеленский соревновались за право быть партнерами новых звезд Петербурга, и оба показали несколько уставшими, не по парадному выправленным кавалерами волшебных петербургских див.

Сцена из балета «Лебединое озеро». Одетта — Ульяна Лопаткина, принц Зигфрид — Игорь Зелинский. Фото Сергея СМЕРНОВА.

Правда, танцующий больше других, Фарух Рузиматов почти совершенно, почти безукоризненно провел партию Альберта во втором спектакле «Жизели». И все-таки. Все-таки недостаток рыцарей в свите петербургских королей, на протяжении всей современной истории Мариинского театра ощутимый, дает себя знать и на этот раз.

Подлинной свитой стал кордебалет, какому может позавидовать любая из главных сцен балетного мира. Торжественные променады на королевских праздниках сменялись в его исполнении безукоризненным росчерком ночных видений — и в «Баядерке», в сцене «Теней», и в «Дон Кихоте», в сцене

не сна, и в «Жизели», в сцене ночного бала виллис.

Заметные недостатки и даже отсутствие некогда высокой культуры характерного танца в нынешнем Мариинском сплещем скорее на артистов, танцевавших соло, и на их репетиторов, чем на тех, кто, преобразаясь, становился аккомпанементом дворцовых праздников и королевских шествий.

Тех, кто, подобно двойникам и теням, шел за Ульяной Лопаткиной — первой леди того Королевства, которое мы с гордостью именуем «Мариинский театр».

Сергей КОРОБКОВ,
журналист.